

Прокурор добавит

Даже если суд в России вынесет адекватный приговор, после обжалования прокуратурой он, скорее всего, будет ужесточен

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

07:11, 30 января 2026,

Вера Челищева

репортер, глава отдела судебной информации

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Сами они на процессе много молчат. К тому, что говорят адвокаты, подсудимые, прислушиваются краем уха. На оппонентов показательно не смотрят. Когда суд спрашивает их мнение, поднимаются с места и воспроизводят одинаковые шаблоны и заготовленные формулы. Но даже в эти моменты умудряются быть косноязычными. Как заговоренные, твердят что-то про УПК, которое запрещает, запрещает и еще раз запрещает. Подсудимому — высказывать свое мнение, адвокатам — заявлять «такие ходатайства» и задавать «такие вопросы» свидетелям.

Часто читают «свои» тезисы, как и мотивацию запрошенных сроков, по бумажке. В бумажке — снова много и про УПК, и про Конституцию. При этом трактовка прокурорами этого бедного УПК порой, кажется, заставляет перевернуться в гробу создателей отечественного права. А упоминание Конституции вызывает в зале тихий и судорожный смех.

В остальное время процесса они, как правило, заняты телефоном, а дамы-прокуроры — еще и изучением собственного маникюра.

Состязательность, быстрота реакции, словарный запас — это тоже уже давно не про них.

Не говоря уже об интересах граждан.

Они вроде как призваны не только поддерживать обвинение в судах по этим самым гражданам, но и следить за законностью, устранять нарушения и надзирать-надзирать-надзирать за следствием, оперативно-разыскными службами и тюрьмами. Но...

Почти всегда прокуроры не видят нарушений

(и не ищут их даже формально) в посадках беременных, пожилых, тяжелобольных и всех прочих, обвиненных в ненасильственных преступлениях.

Не замечают пытки, хотя тонны жалоб и обращений от потерпевших идут именно в прокуратуры регионов и центра. Они перебрасывают эти жалобы в органы, на которые пострадавшие от пыток и жалуются. И вроде как не придерешься, что не отреагировали. «В строгом соответствии» с тем же своеобразно трактуемым ими УПК.

Не видят изъянов в доказательствах следствия. Наоборот — с удивительной свирепостью пытаются порой придать законность откровенно состряпанным уголовным делам.

И без разницы, за каким делом они надзирают — есть ли в нем заведомо политический подтекст либо это обычный гражданско-правовой спор. И там и там прокуратура нарушения если внезапно и замечает, то только после санкции сверху.

А еще они постоянно обжалуют приговоры и требуют ужесточения сроков. Даже там, где это кажется нелогичным даже судьям. Регулярно и по всем категориям дел: политическим, экономическим, коррупционным. Там, где суд дает штраф или условный срок либо просто срок ниже максимального, жди их жалобы. Что-то свербит у них внутри, если они не добьются ужесточения участи собственным не опасным для общества согражданам.

Все они, по идее, учились в юридических вузах, слышали про римское право, состязательность сторон и презумпцию невиновности. Но стойкое ощущение, что несколько лет работы

в прокуратуре уничтожают всё толковое и живое, что изначально присутствовало в этих выпускниках юридических вузов...

Кому какое «дело»

Вот самое, казалось бы, обычное дело, не политическое. Случиться может с каждым. Передо мной несколько жалоб, так и оставшихся без ответа — в прокуратуру Москвы и Генпрокуратуру от защитников вдовы футбольного тренера Юрия Перескокова Елены Перескоковой.

Это такой классический наследственный конфликт, а еще тема для сериалов на канале «Россия». Но данный конкретный «сериал» пока остановился на эпизоде «Посадка». В СИЗО по заявлению падчерицы отправили 41-летнюю вдову футболиста. Якобы после смерти 60-летнего супруга (проверка обстоятельств смерти не выявила криминала) Елена Перескокова «проникла» в квартиру (в которой проживала несколько лет в зарегистрированном браке и имела ключи) и якобы похитила имущество родственников и денежные средства. Вдова настаивает, что забирала из квартиры (она на нее не записана) только свои вещи, а также документы, необходимые для организации похорон.

Совместно нажитое имущество как раз должно было войти в наследственную массу. Вдова относилась к категории наследников первой очереди. Но теперь Елена в СИЗО.

Интересы потерпевшей — дочери футбольного тренера — представляет ее мать, первая жена покойного.

В общем, «Санта-Барбара». Но на российский манер. С разборками, посадками, обливанием грязью в соцсетях.

Фото: Александр Миридонов / Коммерсантъ

К слову, помимо прочего, предмет наследственного спора — дорогие часы, солнечные очки, серьги, наушники, телефон и даже робот-пылесос. Обвиняемая предъявила следствию чеки о покупке. Многие предметы были позже найдены в квартире при осмотрах — то есть не украдены. Но следствие записало их похищенными. Еще потерпевшие настаивают, что вдова унесла из квартиры 700 миллионов рублей и 600 долларов. Вдова наличие таких сумм в квартире отрицает.

Дело длилось полтора года — ни шатко ни валко. Перескокова добровольно являлась на допросы, участвовала в очных ставках, предоставляла документы, ходатайствовала об экспертизах, давала развернутые показания и никуда не скрывалась. В августе 2025 года женщину задержали на очередном допросе. На следующий день Троицкий районный суд Москвы избрал меру пресечения в виде заключения под

стражу. Сегодня Елене отказывают в свиданиях и не позволяют встретиться даже с совершеннолетней дочкой.

Перед посадкой вдовы первая семья публично обратилась к Бастрыкину с требованием разобраться и наказать...

Ну а дальше вы поняли. Вдову наказали.

Тот факт, что у нее было право на имущество, а еще комплект ключей от жилища, в которое она якобы «проникла», что она оплачивала коммунальные услуги и вместе с супругом покупала мебель, вещи и бытовую технику (все чеки Елена следствию, повторюсь, предоставила), никого не смутил. Ни следователя следственного отдела МО МВД России «Коммунарский» города Москвы, ни районную прокуратуру, ни суд, арестовавший женщину.

Прокуратура, куда ее защита писала жалобы о нарушениях и отсутствии доказательств «хищения», присылает отписки.

Ну правда, какое прокуратуре дело, что закрыли не опасную для общества женщину, не найдя для нее альтернативных мер пресечения хотя бы в виде залога или подписки о невыезде.

Прокуратура Троицкого и Новомосковского округов ни разу не проверила ни законность возбуждения дела в отношении Елены Перескоковой, ни законность ее посадки в СИЗО.

Небольшой штрих: после заключения под стражу вдове футболиста предъявили еще одно обвинение по статье 158 ч. 3. Ей приписывают кражу 130 тысяч рублей с банковской карты покойного мужа. Документальные подтверждения того, что деньги вдовой были потрачены на похороны Юрия

Перескокова, игнорируются. Заявление снова написал один из членов первой семьи.

Такой вот наследственный спор, которому бы в гражданском процессе рассматриваться, но он с легкостью переключался в уголовную плоскость. Елене Перескоковой грозит до 10 лет. Ее дело уже всю рассматривает Щербинский райсуд столицы. Прокуратура настаивает на виновности. И что-то подсказывает: она же будет просить максимального срока. А если суд даст меньше либо условно, обязательно обжалует. Как делают это сегодня все прокуроры по любого рода делам.

Страшные преступники

...Недавний случай в Питере. Дело о взятках. У полицейских одного из районных отделов в ходе расследования уголовного дела изъяли записные книжки, в которых были пометки, кто из учеников сколько им должен за «успешную» сдачу экзамена. СК возбудил дела еще и на учеников, словно следствие не в курсе, что граждане вынуждены платить за получение прав, иначе их не увидят. Это годами слаженно работающий коррупционный механизм, до которого властям никогда нет дела. Но районный суд осудил учеников, с которых вымогали деньги. Правда, приговорил их к штрафам. Прокуратура потребовала колонии и обжаловала приговор. По данным «Новой», даже судьи были в шоке, в апелляции штрафы засилили...

Ян Куликов. Фото: соцсети

...Вот еще свежий пример. Книготорговец из Костромской области Ян Куликов был осужден по статье о военных «фейках» на пять лет условно. Возмущению прокуратуры не было предела — потребовала ужесточить. Апелляция безропотно покорила: назначила мужчине реальных пять лет колонии общего режима.

...В декабре 2025 года суд приговорил предпринимателя Григория Куниса к штрафу в 350 тысяч рублей по делу о донатах ФБК*. Само собой, прокуратура обжаловала решение, требуя реальный срок. Мужчина успел уехать из страны.

...Также в конце 2025 года прокуратура оспорила приговор, вынесенный авторам скетч-шоу о вымышленном председателе исполнительного комитета Уссурийского района Виталии Наливкине. Режиссера Андрея Клочкова и продюсера Семена

Вавилова обвиняли в хулиганстве и незаконном изготовлении взрывчатых веществ. Условный срок в шесть лет надзорное ведомство посчитало чрезмерно мягким наказанием: настаивает на реальном лишении свободы — по 14 лет колонии строгого режима каждому.

Лояльность превыше всего

По мнению опрошенных «Новой газетой» юристов, то, что сегодня прокуроры делают в процессе, по сути является не чем иным, как дискредитацией права и самого института прокуратуры.

С этим согласен **Андрей Кротов**, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции:

— Сотрудники прокуратуры, согласно положениями ФЗ «О Прокуратуре РФ», осуществляют надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Но такому надзору, увы, часто присущи пороки, указанные еще — страшно сказать — в Постановлении Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 17 ноября 1938 года — «непринятие необходимых мер к устранению выявленных недостатков законности на стадии следствия». Кроме того, очень часто проявляется «землячество». Сотрудники районных прокуратур не стесняются покрывать ошибки районных следователей или дознавателей.

То есть функции «надзора за законностью» в прокуратуре вроде бы остались, но такой надзор является очень часто «ручным». Он проводится в экономических (заказные дела) или политических целях по инициативе заинтересованного субъекта. Функции общего, не заказного «надзора за законностью» остаются, но они являются целями «второго эшелона».

Что касается профессионального уровня российских прокуроров сегодня, то в большей степени он деградирующий. И на это есть свои причины: ухудшение уровня юридического образования, смена ценностных ориентиров, а именно — политизация и коммерциализация сотрудников прокуратуры.

Глобальная проблема еще и в том, что для того чтобы сотрудники прокуратуры действительно защищали закон, прежде всего нужно менять их мировоззрение. С интересов государства — на интересы человека, с закона — на право.

Об уровне работы в судах и говорить не приходится.

По гражданским делам сотрудники прокуратуры в суды приходят зачастую неподготовленными, ответы начинают искать в интернете через свои смартфоны уже в ходе судебного слушания. Немного лучше ситуация с уголовными делами, хотя и там сотрудники прокуратуры не всегда досконально знают материалы уголовного дела.

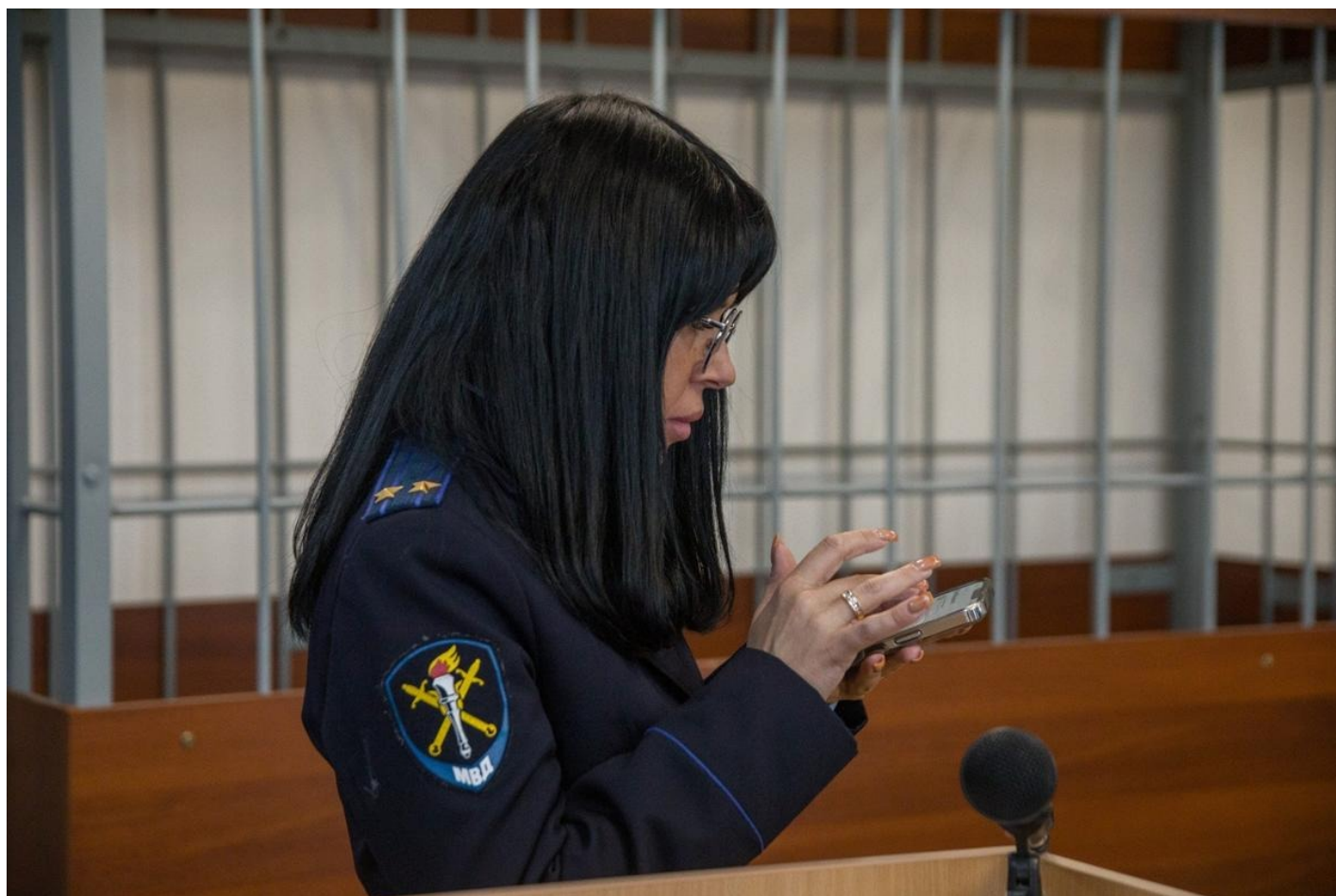

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Важный момент — про сотрудников прокуроров, работающих в кабинетах. Излюбленный инструмент этих сотрудников, на который они всегда ссылаются при рассмотрении жалоб и обращений, — Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации».

Согласно положениям данного приказа, сотрудники вправе перенаправить обращение заявителя в иной орган власти, который, по их мнению, должен это заявление рассмотреть. Так как бюрократический аппарат в России огромен, то, соответственно, и практически любое обращение в органы прокуратуры можно переадресовывать в иной орган власти, где очень часто обращение в итоге просто теряется либо игнорируется. А сотрудники прокуратуры формально в данном случае выполнили свои обязанности, переадресовав обращение в иной орган власти.

— Насколько прокуроры сегодня способны к самостоятельному юридическому анализу, а не только к воспроизведению позиций следствия?

— Они вполне могут, как минимум часть из них, провести анализ различных юридических кейсов. Но, к сожалению, не делают этого по причине лени или коррумпированности в самом широком ее понимании.

— Как часто вам кажется, что прокурор знает о подложных или сомнительных доказательствах, но все равно идет с обвинением в суд?

— Примерно в 30–40% случаев.

— Что для прокурора сегодня важнее — юридическая истина или административный результат?

— Для прокурора советского и постсоветского периода (включая нынешний) всегда важен результат, как и для правоохранительной системы в целом.

Есть, например, в сегодняшней системе негласное правило: если человек попал в СИЗО, то он будет признан виновным. Практически всегда будущий приговор сотрудникам прокуратуры примерно ясен, могут быть исключительно небольшие изменения.

Что касается адвокатов, то многие из них продолжают верить в справедливый суд, хотя в российских реалиях часто это фантом. Адвокат в суде старается переломить общую картину, но «выиграть» у прокуроров по политическим или экономическим делам уже никогда не получается. Даже если прокурор «проиграет» в суде первой инстанции, то, скорее всего, при обжаловании решение суда будет изменено.

— Какие ценности реально доминируют в прокурорской

среде сегодня?

— Корпоративная лояльность прежде всего. Типичный современный российский прокурор по общим (common case) делам — солдат системы, по политическим — соучастник репрессий.

— Всего лишь винтик системы?

— Не бывает винтиков системы. Конкретные люди — прокуроры — требуют приговоров и добиваются их, и все они должны нести ответственность, если обвинение заведомо незаконно.

— Есть ли еще в прокуратуре люди, которым стыдно?

— Как и в любой системы, включая судебную, присутствует и в органах прокуратуры масса талантливых и честных сотрудников. Но они не на руководящих должностях.

От премии до премии

Андрей Кашкаров,

юрист, бывший сотрудник
правоохранительных органов:

— Опираясь на опыт (свой и многочисленных знакомых), скажу: большую роль для сотрудников прокуратуры, как и для всей правоохранительной системы, сегодня играют премии и поощрения. Прокурорский работник в разной законной форме получает поощрения по факту «разрешения» тех или иных дел, в том числе по факту назначения максимального наказания подсудимому. Поэтому есть вполне понятная зависимость (условно — «палочная» система, но в закамуфлированном виде) учета деятельности конкретного прокурорского работника, условного его «коэффициента полезного участия», отслеживаемого вышестоящими начальниками. Премии выплачиваются по результатам судебного обвинительного приговора (даже если он обжалован подсудимым, все равно премию назад не забирают). Как правило, одна премия соотносится с 20 тысячами рублей за одно дело (по состоянию на январь 2026 года). Поэтому прокуроры заинтересованы в том, чтобы приговор состоялся обвинительный; если оправдательный (чего, как мы знаем в наше время почти не бывает в судах общей юрисдикции) — на премию рассчитывать не стоит. И даже если суд вынес решение не по «планке» (то есть не как просила прокуратура), все равно, если он обвинительный — прокурор своим начальством поощряется. Все эти вопросы витают в воздухе. В любой курилке прокуратуры, в любом отделе полиции, на любом корпоративном праздничном мероприятии это обсуждается самими сотрудниками, то есть банально — сотрудники общаются и рассказывают друг другу случаи из своей практики. Ну а их цель — дослужить таким образом (от премии до премии) до стабильной пенсии.

* Признан террористической и экстремистской организацией, чья деятельность в РФ запрещена.